

ТАМ, ГДЕ РОЗЫ ПАХНУТ
ВИШНЕЙ

Ирина Палатченко

Ирина Палатченко

Там, где розы пахнут вишней

<https://litres.ru/73539106>

SelfPub; 2026

Аннотация

Один вдох Небес - и человек приходит в мир, один выдох - и он становится воспоминанием.

Маша не искала дороги в Небесное царство. Судьба сама приводит её туда, где над облаками возвышаются дворцы небожителей, где свитки хранят жизни людей, а за равновесием всех миров следят хранители небесного порядка.

Гао Хань - один из них. Холодный, непоколебимый, верный клятве, данной небесам. Но даже бессмертные не властны над прошлым.

Когда древние силы начинают пробуждаться, а мир незаметно склоняется к хаосу, Маша случайно приоткрывает завесу чужих воспоминаний, и видит то, что не должно было быть забыто. Чем глубже она заглядывает в его прошлое, тем ближе становится к истине, которую Небеса предпочли бы скрыть.

Иногда одна встреча может изменить ход судьбы, а порой - само дыхание Небес. И тогда среди облаков остаётся неуловимый аромат роз, как память о чувствах, над которыми не властен даже вечный ветер времени.

Содержание

Глава 1. Утраченное между мирами	5
Глава 2. Оставшись во сне	11
Глава 3. Удерживая равновесие	17
Глава 4. Под взглядами Небес	25
Глава 5. Не переступая черты	37
Глава 6. В тишине небесного архива	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ирина Палатченко
Там, где розы
пахнут вишней

«Один вдох Небес – и человек приходит в мир.

Один выдох —и он становится воспоминанием.

*Но порой остаётся легкое благоухание,
Над которым не властен неумолимый ветер времени»*

Глава 1. Утраченное между мирами

«Гора Тяньмэнь имеет поистине великолепный вид. Лестница в тысячу ступеней ведет прямо к Небесным вратам, и там, у самого входа, можно удобно расположиться и созерцать удивительное творение природы, подобно Небожителям, осматривающим свои владения. Легенда гласит...»

Что именно гласила легенда, Мария так и не узнала. От неожиданности она уронила телефон и плавное видео о горе сменилось сначала стендапом какого-то комика, затем нарезкой популярных песен, а после чем-то безымянным и неважным, потерявшись в бесконечной ленте.

– Вася отстань, щекотно! – рассмеялась Маша, безуспешно пытаясь спихнуть щенка с кровати.

Василий был настроен решительно. Прогулка значила выход на улицу, и никакие отговорки его не интересовали. В итоге пришлось сдаться. Вздыхнув, Маша потянулась за теплым лыжным костюмом. Идти в такую погоду совсем не хотелось, но Василий – парень упорный, а свои обещания Маша привыкла держать, даже те, что давала шарпеям.

Гора Тяньмэнь, впрочем, не осталась забытой где-то там на просторах социальной сети. Она уже давно пробиралась к Машину сердцу, сначала смутной мечтой о путешествии, потом устойчивой целью, а затем и четким планом поездки в Китай, запланированной на отпуск через пару месяцев.

Билеты и экскурсии выбраны, забронированы и выкуплены. Оставалось пристроить Василия на десять дней и на всякий случай передать подруге ключи от квартиры.

– Маш, ты точно решила ехать? Всё-таки одна, китайского не знаешь... – в который раз тревожилась мама. И сейчас, торжественно принимая Василия на передержку, она не удержалась от привычных опасений.

– Точно, мам. Всё куплено, назад дороги нет, – улыбнулась Маша. – Там будет группа и гид, будем везде ходить вместе. Доберусь до отеля – и всё, считай под присмотром.

Василий бросил укоризненный взгляд на беззаботно попивающую чай хозяйку. Знает он это место, бывал здесь не раз. Опять будут кормить до отвала и тискать без меры. А он хоть и свободолюбивый пес, но безотказный. Придется терпеть. Такова уж его нелегкая собачья доля.

– Всё, мам, такси подъехало, я побежала. Папе привет, – Маша торопливо чмокнула маму на прощанье, погладила Васю по голове и выскочила на улицу. Впереди оставалось собрать чемодан и немного помечтать о предстоящей поездке. Много дел, и все приятные.

В аэропорт Маша приехала заранее, с учетом всех возможных и невозможных пробок и форс- мажоров. Теперь она сидела в зоне ожидания, болтая ногой и пролистывая сторис знакомых.

Еще немного, и она сама будет выкладывать самые впечатляющие кадры в своей жизни. От этой мысли Маша при-

крыла глаза: вот она позирует во время восхождения, вот её девятьсот девяносто девятая ступенька, а вот они – Небесные врата, за которыми облака и вечность.

– Объявляется посадка на рейс ...– донесся голос из динамиков.

Маша прислушалась, встала, одернула одежду и уверенным шагом направилась к нужному гейту.

Погода действительно оказалась прекрасной. Маша прищурилась и оглядела лестницу снизу вверх. Захватывающее зрелище.

Надо же, всего двое суток назад она сидела в своей квартире, а теперь стояла у подножия горы Тяньмэнь, готовясь к подъему. Конечно, ожидание и реальность не во всем совпали, но Мария не строила чрезмерных иллюзий, и поэтому совсем не разочаровалась, увидев толпу таких же мечтательных покорителей лестницы.

Гид оказалась приятной женщиной, правда, говорила быстро и с сильным китайским акцентом. Но это было не страшно, речь понять можно. Сейчас Маша достаточно ясно разобрала её просьбу не спешить и беречь силы. Тише едешь – дальше будешь. В их случае, конечно, идешь.

Маша сделала глубокий вдох и, вместе с ним, первый шаг на ступеньку.

Прошло полчаса. В боку колело, глаза временами заволакивала темная пелена, ноги наливались свинцовой тяжестью.

И это всего середина пути.

Где-то в толпе Маша потеряла и гида, и остальных участников группы, но это не пугало: они договорились встретиться наверху и не станут спускаться без неё. Она посмотрела вверх на Небесные врата и с тоской подумала, что те определенно должны стоить всех затраченных усилий.

Гао Хань пребывал в благословенной медитации уже третий месяц. Его духовное ядро переливалось перламутровым светом, наполняясь чистой ци. Тонкая божественная нить соединяла ядро с сердцем Небожителя, удерживая его в центре солнечного сплетения.

Небесные врата на горе Тяньмэнь были ценным местом для восстановления духовных сил, пусть и не столь прославленным, как склоны Пэньлай или берега реки Фуэ.

Преодолев последнюю, тысячную ступеньку, Мария остановилась, перевела дыхание и решительно направилась к Небесным вратам. Звон в ушах постепенно стих, уступая место раздраженной мысли: *«Какого черта я повелась на красивые картинки, сидела бы сейчас дома, в плеле, и смотрела сериалы»*. Но и она вскоре растворилась, смытая ослепительным видом, открывшимся перед ней.

Мария шагнула вперед, и вошла в Небесные врата.

Гао Хань резко открыл глаза. Воздух вокруг подернулся рябью, неправильной, чуждой этому месту. Тонкая нить, соединявшая его сердце с духовным ядром, натянулась, как тетива, и в следующий миг оборвалась.

Гао Хань вскинул руки, пытаясь удержать ядро, но оно уже ускользало по воздуху, не подчиняясь его зову.

Маша резко зажмурилась от внезапной боли в груди. Воздух перехватило, сердце сбилось с ритма, словно кто-то коснулся его изнутри. Она пошатнулась, судорожно вцепившись пальцами в холодный камень, и только через несколько долгих вдохов смогла унять бешеное сердцебиение. *«Нет, я не умру сегодня от инфаркта на вершине горы»*, с нервной усмешкой пробурчала Маша и открыла глаза.

Тишина резала слух. Толпа исчезла. Шум, голоса, шаги – всё растворилось, словно их никогда и не было. У Небесных врат остались двое: растерянная Маша и незнакомец, стоявший напротив и с недоверием смотревший на неё.

Гао Хань застыл. Удивить Небожителя непросто, скорее, невероятно. И всё же его духовному ядру это удалось.

Он видел, что оно скользнуло по воздуху к странно одетой светловолосой девушке и исчезло в её солнечном сплетении, притянутое силой, которая не поддавалась ни измерению, ни пониманию.

Это невозможно. Абсолютно.

Путь бессердечия не оставлял места колебаниям. Сначала действие, вопросы потом. Одним движением руки Гао Хань притянул девушку к себе. Маша беспомощно поднялась в воздух и плавно приблизилась, подхваченная невидимым течением силы.

Он склонил голову, изучая её. Ни следа демонической или

божественной ци, ни всплеска силы, ни магической огранки. Ничего, что могло бы объяснить случившееся.

Девушка смотрела на него широко раскрытыми глазами, не в силах вымолвить ни слова. И всё же факт оставался фактом: его духовное ядро, источник бессмертия и энергии, находился внутри неё.

Гао Хань попытался призвать его, вытянуть, выманить, но напрасно. Ядро не отзывалось.

– Помогите! Отпустите меня! Что происходит?! – отчаянно закричала Маша. Она попыталась дернуться, но плотный воздух удерживал её крепче любых рук. *Что за фокусы...*, мелькнула единственно разумная мысль.

Всё вокруг вдруг поплыло. Сознание погасло, и Маша обмякла, безвольная и беззащитная, перед высоким суровым мужчиной с длинными черными волосами и глубокими серыми глазами.

Глава 2. Оставшись во сне

Сознание возвращалось к Маше постепенно, звуками, обрывками разговора. Чем яснее становились мысли, тем отчетливее проступали слова. Было странное ощущение, что на речь наложили озвучку, Маша явно улавливала китайский язык, и это само по себе выглядело подозрительно, учитывая, что китайского она не знала.

Глаза она пока не открывала, прислушиваясь и стараясь успокоиться. *Я в больнице. Мне стало плохо на вершине горы, подскочило давление, и мне начали мерещиться всякие странные вещи. Сейчас я слышу китайскую речь попеременно с русским, значит, кто-то из группы пошел за мной и сопроводил меня сюда.*

Всё звучало логично, но почему-то Маша не спешила в этом убедиться, то ли боясь столкнуться с другой реальностью, то ли сожалея, что всё произошедшее могло оказаться галлюцинацией.

Она сосредоточилась на разговоре.

– Боюсь, это всё, что я мог сделать, – произнес мягкий голос.

– То есть ничего, – отрезал другой, холодный и строгий.

Маша осторожно приподняла ресницы. Перед ней маячил силуэт пухлого невысокого мужчины, который растерянно разводил руками. *Неужели со мной и правда что-то серьез-*

ное?

Стоп. Почему он так одет? В китайских больницах носят длинные светлые одежды, похожие на парадные мантии из Гарри Поттера?

Терпение у Маши закончилось. Она перестала притворяться спящей, решительно открыла глаза и попыталась сесть. Голова тут же закружилась, но чьи-то мягкие руки заботливо поддержали её и помогли облокотиться на спинку кровати.

– Осторожнее, госпожа, нельзя же так сразу, вы еще слабы, – приговаривал пухляш, поправляя подушки.

Суровый мужчина с длинными черными волосами подошел ближе. *Галлюцинация продолжается*, с огорчением вперемешку с неожиданной детской радостью подумала Мария.

Мужчина склонил голову набок.

– Кто ты такая?

Маша на секунду растерялась, но быстро взяла себя в руки. *Галлюцинация ведь как сон, ею тоже можно управлять.*

– Я Маша, туристка. Недавно приехала в вашу страну. А вообще я...

– Ма – Ша? – перебил он. – Что за зверь такой?

Он обратился к пухляшу.

– Ту Син, ту-рис-ка – это кто-то из твоего кроличьего племени?

– Первый раз слышу, – пожал плечами Ту Син.

Суровый мужчина наклонился ближе и заглянул Маше

прямо в глаза.

– Верни мне моё духовное ядро, и я тебя отпущу.

– Я у вас ничего не брала, – возмутилась Маша. – И вообще, куда вы меня притащили? Вы понимаете, что похищение человека это уголовное преступление? Меня, между прочим, как гражданку другой страны, уже ищут, и когда найдут, я вам такой международный скандал устрою!

– Она человек, – всплеснул руками Ту Син и принялся. – Действительно, только человеческий дух. И твое духовное ядро.

Маша инстинктивно подалась назад.

– Ничем от меня не пахнет, разве что Томом Фордом, – начала она и тут же прикусила язык, вспомнив последние часы подъема.

– Я, пожалуй, пойду, – решила она и встала.

– Зайчик мой, куда ты пойдешь с его духовным ядром, – Ту Син бережно взял ее за руку. – Сначала его нужно вернуть. Иначе как Небожитель будет выполнять свою работу?

Маша рассмеялась. *Это уже не галлюцинация. Это кажется сумасшедший дом.*

– Ту Син, спасибо, тебе пора, – произнес суровый мужчина. – Никому пока не говори об этом. Мне будет сложно хранить порядок, если все узнают, что я сам не в порядке.

Ту Син понимающе кивнул, поклонился и вышел.

Маша не стала дожидаться приглашения к разговору.

– Послушайте, мужчина, не знаю как к вам обращаться, но

мне нужно домой. Ну, или хотя бы в отель. Меня ждут. Так что не советую чинить мне препятствий. Помогите вызвать такси, и я не буду писать заявление, – вкрадчиво убеждала она. *Эти сумасшедшие такие непредсказуемые, надо его заболтать и убежать, пока он смирный.*

– Я тебя не удерживаю, человек, – бесстрастно ответил он.
– Верни то, что украла.

– Меня зовут Маша, предпочтительно так ко мне обращайтесь. А вас?

– Гао Хань.

– Прекрасно, – кивнула Мария и, не давая ему договорить, взяла под руку. – Слушайте, Гао Хань, вы человек разумный. Вам проблемы не нужны, мне тоже. Если я по какой-то странной случайности утащила ваши вещи, я обязательно верну. Хотите расписку напишу?

Гао Хань шел путем бессердечия, но это не делало его бесчувственным. И этот человек сейчас раздражал его своей болтовней так, как не раздражал даже Нью Хань с его бычьим упрямством.

Когда Маша дотащила его до выхода, он стряхнул её руку.

– Отдавай ядро и иди.

– С удовольствием.

Она юркнула за занавесь и застыла.

Перед ней раскинулась огромная зала. Высокие колонны уходили ввысь, теряясь в облачном свете. Пол был выложен гладким нефритом, отражавшим потолок, подобно водной

поверхности. По стенам тянулись резные панели с изображениями гор, рек и небесных зверей, а в центре залы возвышался открытый проход, за которым виднелся сад.

Так... это явно не больница.

Маша не стала раздумывать долго и бросилась к выходу. За спиной раздался резкий звук. Гао Хань попытался применить силу, и тут же нахмурился. Поток ци оборвался.

Он рванулся за ней. Маша выбежала в сад, и вдруг резко согнулась, хватая ртом воздух. Сердце сбилось, в груди вспыхнула острая боль, в висках зашумело.

– Помогите! – сорвалось с губ. – Мне плохо!

Гао Хань настиг её через пару мгновений. Как только он приблизился, боль отступила так же резко, как появилась.

– Что ты сделал?! – выдохнула Маша. – Вы меня чем-то накачали?!

Он не понял, что она имела в виду, но неосознанно протянул руку, направляя ци, и она полилась ровным потоком. Гао Хань отступил на шаг, потом ещё и ещё. Маша пошатнулась, и он остановился.

Значит, вот как. Он помог ей подняться.

– Давай ты не будешь убегать, – сказал он.

– А ты не будешь меня похищать, – процедила она.

Они вернулись во Дворец Ясности и расположились в одной из комнат. За чайным столиком Гао Хань наконец произнёс:

– Ты не забирала моё ядро намеренно.

Маша кивнула.

– Я вообще не понимаю, где я и что происходит. Но вы явно владеете магией, и это сводит меня с ума.

Она вздохнула.

– Я хочу домой. Если вы действительно отпустите меня, когда вернете себе это духовное ядро, я готова вам помочь.

Гао Хань подумал немного, затем кивнул.

– Пока ты останешься здесь.

Он позвал слугу и велел приготовить гостевую комнату рядом со своей. Похоже, им нельзя удаляться друг от друга на большое расстояние. Сцена в саду ясно показала, чем это заканчивается. И пока он не выяснит, как вернуть всё на свои места, придется договариваться и действовать сообща.

Маша грустно повертела в руках чашку с чаем. Похоже, в Китай её больше не пустят. Виза сгорит, это факт. Она всё ещё цеплялась за прошлое, не понимая, что находится уже в другой реальности.

Глава 3. Удерживая равновесие

Маша сидела напротив Гао Ханя и прокручивала на запястье новенький браслет. Металл был прохладным, и при каждом движении незаметно позвякивал, проверяя себя на прочность.

Сквозь высокие окна в залу ложились узкие полосы утреннего света, разбиваясь о край стола и свитки. Во Дворце Ясности царила тишина, так что любой звук, даже шелест бумаги под кистью, казался лишним. От чая тянуло терпким травяным запахом, вперемешку с ароматом свежих чернил и трав из сада, доносившимся снаружи.

– И как я пойму, что он работает? – спросила Маша, нарушая тишину.

– Начнёт звенеть, – ответил Гао Хань, не поднимая глаз от своей работы. В этот момент он что-то писал на свитке бумаги, ровно и сосредоточенно выводя иероглифы, и всё вокруг словно существовало для него сейчас как декорация.

– Поняла, – кивнула Маша. Она на мгновение замерла, прислушиваясь к себе, к пространству, к его дыханию. – А если будет шумно, и я не услышу?

– В моем дворце не бывает шумно.

Маша закатила глаза и подалась вперёд. Браслет негромко звякнул, чересчур отчётливо для такой тишины.

– А кто тебе сказал, что я буду оставаться в твоём дворце?

Слова вырвались легко и небрежно, но внутри Маша вся сжалась. Она очень хорошо помнила, что произошло в прошлый раз, когда отходила от него дальше, чем позволяла эта странная связь. Этот разговор она прокручивала заранее: в библиотеке, за чаем, перед сном. У нее был план. И запасной. И еще один, на самый крайний случай.

Гао Хань замер. Перо застыло в воздухе, и на бумаге расплылась крошечная темная точка. Секундное замешательство, показывающее, что она сейчас пойдет по тонкому льду.

Он аккуратно обмакнул кисть в чернила.

– Ты хочешь сходить в сад? – спросил он.

– Ну, не обязательно сад, – отозвалась Маша, разглядывая кучу свитков на столе. Она позволила себе короткую паузу, примеряясь к новому выпаду. – Я уже здесь целую неделю, и за это время мы так и не знаем, как решить твою проблему.

– Мы? – краешком губ усмехнулся Гао Хань.

– Да-да, мы. Вообще-то, я тебе помогаю, если ты не заметил. Столько бесполезных заклинаний, совместные медитации, формации вызова... Кажется, у нас не получится решить проблему быстро.

Она вздохнула и добавила уже тише:

– Я тут подумала... В твоём дворце мне скучно. Я, конечно, люблю отдыхать, высыпаться, вкусно кушать и всё такое, но пора бы и честь знать. С меня хватит сидеть без дела.

На самом деле это была не скука. Без дела она начинала вянуть так же, как раньше, когда между проектами выпадали

пустые недели. Работа была для неё не просто занятием, а способом быть нужной, видеть живые лица, слышать благодарность, чувствовать, что она на своём месте.

Гао Хань отложил кисть и посмотрел на неё.

– Почитай что-нибудь. Или нарисуй картину.

Маша снова закатила глаза, на этот раз демонстративно.

– Книги и картины? То есть вы, небожители, так развлекаетесь? Мне это не подходит. Я хочу заняться делом.

Гао Хань издал неопределённый звук, то ли хмыканье, то ли нервный смешок.

– Я тебя не понимаю, – наконец произнес он и вернулся к письму.

– Я хочу посмотреть, что за пределами дворца, за пределами сада. В конце концов, мне выпала уникальная возможность оказаться в такой продолжительной галлюцинации, то есть на небе...

– ...В Небесном Царстве, – поправил Гао Хань.

– Да, – кивнула Маша. – В твоём мире. Я хочу посмотреть других обитателей, познакомиться с кем-нибудь, ходить в кафе, на вечеринки. У вас есть такие места? Как вы развлекаетесь?

Он глядел на неё с искренним недоумением.

– Развлекаться – это проводить время вместе, – пояснила Маша, не повышая голоса. – Танцевать, праздновать. Вот как вы отмечаете праздники? Вы собираетесь где-нибудь, вкусно кушаете, запускаете фейерверки?

– Мы празднуем полнолуния и новолуния. Ещё у нас есть праздник каждого небожителя.

– И что вы делаете в этот день? – терпеливо уточнила Маша. Конечно, она уже прочитала об этих «торжественных мероприятиях», но умело вела разговор в нужное русло.

– Мы приходим в общее место. Император произносит благодарственную речь. Мы благодарим его в ответ. Созерцаем.

– И это всё? – Маша уставилась на него. – То есть вы приходите, болтаете и идёте обратно спать? И это вы называете праздником?

Гао Хань промолчал. Его губы сложились в тонкую линию. Он не возразил, но это было куда красноречивее любых слов.

– Кажется, я знаю, каким делом я у вас здесь займусь. Какой ближайший праздник?

– Полнолуние. Но я не понимаю, к чему ты это спрашиваешь.

– Скоро поймёшь.

На следующий день за дневной чай Маша пришла подготовленной. Перед ней лежал длинный свиток, где она подробно расписала всё, что хотела посетить и сделать в Небесном царстве. Чернила ещё не до конца высохли, и от бумаги тянуло знакомым рабочим запахом, тем самым, от которого у неё всегда прояснялась голова.

Она заранее расспросила Ту Сина и слуг о празднике, о

небожителях, которые должны на нём присутствовать, и о местных особенностях. Теперь она собиралась ошарашить Гао Ханя.

Маша знала, что это рискованно. Но сидеть и ждать, пока всё решится без неё, не в её характере.

Она торжественно села напротив, дождалась, пока он делает первый глоток чая, и произнесла:

– Я решила, чем буду здесь заниматься. Я буду организатором праздников.

Гао Хань с усилием проглотил чай. Если бы не его бессердечие, он, возможно, даже поперхнулся бы. Тем не менее, аккуратно поставив чашку и немного подумав, он заинтересовался:

– Чтобы быть организатором праздников, нужно много общаться с другими небожителями и получить разрешение Императора. Нужно быть на месте, всё контролировать. Как ты собираешься делать это, находясь здесь?

– Ах, Гао Хань, вот и я так считаю, пора уже выйти и познакомиться с другими небожителями.

Чашка в его руке дрогнула. Он почувствовал одновременно и раздражение, и тревогу. Хаос всегда начинается именно так, с малого отклонения от порядка.

– Ты не можешь выйти из дворца. Ты забыла, что случилось в тот раз, когда ты далеко отошла от меня?

– Я не забыла. Поэтому ты пойдёшь вместе со мной.

Она говорила спокойно и уверенно. На самом деле внутри

у неё холодело, но отступить нельзя.

– Мы найдём место, которое устроит нас обоих. Я займусь своим делом, ты – своим. Сначала, конечно, нужно познакомиться со всеми небожителями. Ты представишь меня Императору, подсуетишься, чтобы эта должность стала официальной. Скажем, назначьте мне испытательный срок. Первый пробный праздник. Если вам понравится, я продолжу этим заниматься.

Он моргнул так, словно вся тяжесть тысячелетней кармы упала ему на ресницы. Порядок трещал. Это неправильно, это опасно. Он произнес сквозь зубы:

– Как я познакомлю тебя с ним?

– Очень просто, – пожал плечами Маша. – «Здравствуйте, господин Император. Это Маша. Она хочет устраивать наши праздники». «Здравствуйте, Маша. Я рад, что наконец-то кто-то этим займётся, потому что наши торжества скучны». Видишь, это не сложно.

Гао Хань сделал глубокий вдох. Его хладнокровное сердце сдерживало раздражение, но тело выдавало его, мышцы рук произвольно напряглись. Он ненавидел неопределённость.

– Допустим, я представлю тебя. Но если кто-то узнает, что в моём доме живёт человеческая девушка, это вызовет вопросы.

– Поэтому лучше действовать на опережение, – невозмутимо предложила Маша. – Ты абсолютно прав.

– Но я не буду сидеть где-то там с тобой всё время. Пару часов на знакомство я уделю. Потом ты устроишь всё так, чтобы работать здесь.

Маша внимательно взгляделась в него. Это был момент, где она могла надавить, или отступить. Она выбрала третье: удержать границу.

– А если мне понадобится выходить по неотложным делам? Это тоже часть работы. Я не пленница, у меня есть свобода передвижения.

– Хорошо, – раздражение наконец прорвалось в его голосе. – Иди куда хочешь.

– Отлично. Тогда мы договариваемся так: часть времени – твои дела, часть – мои.

Он встал из-за стола и повернулся к ней спиной. Закрыв глаза, пытаясь успокоить разум и выстроить внутри привычный порядок.

Маша же спокойно допивала чай. Она была уверена: никуда он не денется. Для него важна его репутация сильного неуязвимого небожителя.

– Ладно, – наконец согласился Гао Хань. – Но у меня есть условия. Первое: ты без возражений будешь сопровождать меня для выполнения срочных поручений. И всегда будешь находиться не дальше двадцати цуней, чтобы я мог пользоваться всей своей силой.

– Согласна, – кивнула Маша, прикидывая в уме, что это около семидесяти сантиметров.

– Второе: я отказываюсь присутствовать там, где шумно. Ты организуешь всё так, чтобы мне как можно реже приходилось это терпеть. Я могу построить тебе шатёр в саду – достаточно близко и достаточно далеко одновременно.

Маша кивнула, хотя ещё плохо представляла устройство Небесного царства. В конце концов, её идея могла и не сработать, но сидеть без дела она не собиралась. На том и договорились.

Гао Хань позвал слугу и велел запросить аудиенцию у Императора и сообщить, что он хочет представить новую претендентку на вознесение, которую будет обучать лично.

Маша сделала умный вид, но едва слуга вышел, тут же переспросила:

– Претендентка на вознесение – это что такое?

– Небожители могут брать учеников, – объяснил он. – Тех, кто после жизненного цикла хочет переродиться на ступень выше. Я представляю тебя как свою ученицу. С моим духовным ядром другие почувствуют не только твою человеческую сущность, но и необходимую для вознесения небесную часть.

– Понятно, – кивнула Маша. *Ученица, значит. Всё чудесно складывается.*

Глава 4. Под взглядами Небес

Дорога к Нефритовому дворцу тянулась плавной светлой лентой, и идущий по ней невольно замедлял шаг. Каменные плиты были отполированы временем и тысячами шагов, между ними пробивалась тонкая трава, а по краям дорожки росли деревья с аккуратно подстриженными кронами. Лёгкий ветер доносил запах свежести и цветущего сада.

Маша шла рядом с Гао Ханем, стараясь идти уверенно и ровно. Новое платье беззвучно колыхалось при каждом движении. Тонкая светлая ткань была прохладной на коже, вышитые по подолу и рукавам цветы вишни казались живыми, нитки ловили солнечный свет и мерцали при каждом повороте. Платье было лёгким, удобным и удивительно «своим». Маша выбрала его сама для первой встречи с Императором, и потом показала Гао Ханю. Он кивнул и сказал, что так будет уместно.

– Напоминаю, – в который раз начал Гао Хань, не глядя на неё, – ты говоришь только тогда, когда Император обратится к тебе напрямую.

– Я помню, – сдержанно ответила Маша.

– Не перебивай. Не возражай. Не задавай вопросов без разрешения, – продолжал он, снова и снова отчеканивая каждое слово. – Ему нельзя перечить.

– Я заметила, – отозвалась она с лёгкой усмешкой, – что

у вас тут вообще мало кто любит, когда им перечат.

Гао Хань бросил на неё короткий взгляд. Внутри него постепенно нарастало раздражение, как сгущающийся воздух перед грозой. Непредсказуемость воспринималась им как сбой в системе, который необходимо немедленно устранить. Он не любил ситуации, где исход нельзя просчитать заранее. А сейчас всё зависело от человека, которого он не мог контролировать.

– Одно неосторожное слово может всё испортить.

– Я понимаю, – Маша кивнула, уже без улыбки, и, помедлив, добавила: – Правда понимаю. Но если ты повторишь это ещё раз, я могу принять это как вызов.

Он остановился на мгновение, собираясь возразить, но передумал и продолжил идти. Какое-то время они шли молча. Маша чувствовала масштаб момента. Хотя в ее привычной реальности не было строгой иерархии и почтения, граничащего с поклонением, от этого разговора зависели ее дальнейший статус и положение в этом мире. Всё стало слишком реальным, и она начинала приучать себя к мысли, что может задержаться здесь надолго.

Постепенно впереди возник Нефритовый дворец. Сначала показались величественные колонны, затем широкая лестница, а потом и само светлое здание, вырезанное из цельного куска камня. Крыша с изогнутыми краями отражала солнечный свет, а резные стены украшены узорами, в которых переплетались облака, существа и символы небесного

порядка. Дворец смотрел сверху вниз спокойно и уверенно.

У входа стояли два стражника в золотых доспехах. Они не двигались, пока Гао Хань не остановился перед ними и не показал свой жетон Хранителя. Металл коротко блеснул на солнце. Стражники синхронно склонили головы и отступили в стороны. Двери перед ними распахнулись.

Маша глубоко вдохнула и шагнула вперёд вместе с Гао Ханем, ощущая, что пути назад уже нет.

Зала Нефритового дворца была просторной и сияющей. Высокие колонны поддерживали расписной сводчатый потолок. Даже облака, вписанные в строгую геометрию, здесь подчинялись правилам. Пол выложен гладким камнем, отражающим свет так, что шаги казались тише, чем должны звучать. Воздух пах холодной свежестью, чем-то минеральным и чистым, как после дождя. На возвышении стояли два трона.

Император Шэнь Ян сидел прямо, не опираясь на спинку. Его осанка была безупречной, выражение лица сосредоточенным и холодным. Он смотрел словно сквозь них. В нём не чувствовалось ни волнения, ни любопытства, только внимание, направленное на порядок, устойчивость и возможные отклонения.

Рядом с ним, примерно на десять цуней ниже, сидела Императрица Сюань Цзинь. Она казалась тише, мягче, будто сливалась с окружающим пространством. Её присутствие ощущалось через гармонию, подобно ровному дыханию, ко-

торое не замечаешь, пока оно есть. Она излучала безмятежное принятие, и чувствовала мир, не оценивая и не приукрашивая его.

Гао Хань опустился на одно колено и склонил голову. Маша повторила движение менее уверенно, но также почти-тельно.

– Хранитель Порядка Гао Хань, – произнёс Император. – Ты просил принять тебя.

– Да, Император, – ответил он. – Я хочу представить вам свою ученицу.

Шэнь Ян на мгновение перевёл взгляд на Машу и кивнул.

– Ты берешь ответственность за нее?

Это стандартный вопрос для установления официального статуса ученика небожителя. И на него требовался такой же стандартный ответ. Но Маша не была ученицей Гао Ханя, и для него это был сознательный риск.

– Да.

Ответ прозвучало твёрдо, но Маша уловила, как на долю секунды напряглись плечи Гао Ханя.

– Она предложила внести изменения в порядок проведения праздников, – продолжил он. – Я считаю, что это может усилить структуру небесной жизни. Чёткое разграничение между обычными и праздничными днями повысит устойчивость системы, снизит рассеивание внимания и укрепит общий баланс.

Император слушал внимательно. Его пальцы крепко сжи-

мали подлокотники трона.

– Ты считаешь, что праздники в нынешнем виде ослабляют систему? – спросил он.

– Я считаю, что они могут лучше служить своим функциям, – ответил Гао Хань. – Новая форма придаст им смысл и ритм.

Шэнь Ян поразмыслил, затем кивнул.

– Я доверяю твоему чутью, Хранитель Порядка. Если ты считаешь, что это усилит стабильность, Небеса тоже согласны.

Он обратился к Маше.

– Расскажи мне подробнее.

Маша выдохнула и заговорила сдержанно, подражая уверенной невозмутимости Гао Ханя.

– Я хочу сделать праздники живыми. Такими, чтобы все чувствовали разницу между обычным днём и особенным. Для этого мне нужно поговорить с ключевыми небожителями, выслушать их пожелания, понять, что для них важно. Я не смогу угодить всем, но постараюсь учесть каждого.

Император кивнул.

– Разумный подход.

Он повернулся к Императрице. Та выпрямилась и ловила каждое обращенное ей слово.

– Сегодня моя драгоценная Сюань Цзинь проводит званный обед. Полагаю, она сможет добавить пару приборов, чтобы вы присоединились к трапезе. Это позволит тебе задать

свои вопросы.

– Благодарю, – сказала Маша и тут же, не задумываясь, добавила: – А если можно... мне бы хотелось спросить и вас.

В зале повисла тишина. Гао Хань побледнел.

– Что бы вы сами хотели видеть на празднике? – спросила Маша, не дожидаясь разрешения. – Для вас лично.

Шэнь Ян приподнял бровь. Неожиданно уголок его губ дрогнул.

– Интересный вопрос, – произнёс он. – Для меня важна ясность. Чтобы каждый знал своё место и назначение.

Императрица ласково улыбнулась.

– А мне хотелось бы тепла, – ответила она. – Чтобы небожители чувствовали связь друг с другом.

Маша кивнула, словно именно этого и ожидала.

– Я постараюсь учесть это.

Император сделал короткий жест.

– Можете прогуляться в саду до начала обеда.

Они поклонились и вышли. Едва двери залы закрылись за ними, Гао Хань резко повернулся к Маше.

– Зачем ты их спросила? – прошипел он. – Я же предупредил, так нельзя.

Маша пожала плечами, глядя на сад впереди.

– Иногда лёгкое отступление от правил приятно, – заговорила она примирительно. – Особенно тем, кто живёт по ним очень долго.

Гао Хань сжал губы, ничем не выражая свое согласие или

возражение.

Зала для общей трапезы оказалась меньше основной залы, но куда оживлённее. Здесь не было возвышений и тронов, каждый небожитель сидел за своим маленьким аккуратным столом, накрытом светлой тканью, а дворцовые слуги подносили им выбранные кушанья. Свет падал мягко, отражаясь от полированных поверхностей, и в воздухе смешивались запахи свежих трав, пряных соусов и тёплого хлеба. Это было обыденно, и оттого неожиданно уютно.

Император отсутствовал. Маша, усаживаясь рядом с Гао Ханем, наклонилась к нему и шепнула:

– Удачно, что обед именно сегодня.

– Он проходит каждый день, – так же вполголоса ответил он.

Маша восхитилась. А ловко император выдал это за удачное стечение обстоятельств.

Она оглядела столы и мысленно усмехнулась. *Двенадцать знаков китайского гороскопа собрались.* Небожители сидели полукругом на своих местах, образуя идеальную геометрическую симметрию.

Ту Син, лекарь, приветливо махнул ей рукой и тут же вернулся к обсуждению каких-то настоев с соседом. Маша заметила, что у многих за внешними человеческими чертами проскальзывало что-то “звериное”: у кого-то – в манере есть, у кого-то – в выражении лица, а у кого-то – во взгляде.

Она наклонилась к Гао Ханю и прошептала:

– А Хранительница небесных садов... она ведь... как бы это...

Чжу Лянь, сидевшая неподалёку, с аппетитом причмокивала, пробуя очередное блюдо.

– Госпожа Свинья, – закончила Маша, пряча улыбку.

Гао Хань незаметно дёрнул уголком губ, и Маша это увидела.

– А вон тот, – продолжила она, кивая на небожителя в ярком, ослепительном одеянии. – Хранитель ритуалов... он выглядит как павлин.

– Цзи Хан, – шепотом пояснил Гао Хань. – Его истинная форма – Петух.

Маша чуть не прыснула чаем.

– У нас это слово... – она осеклась и махнула рукой. – Ладно, неважно.

Гао Хань не понял, о чем она говорит, но само её выражение лица оказалось заразительным. Он позволил себе ещё одну короткую улыбку, и тут же опять стал серьёзным. Он кивнул в сторону следующих небожителей.

– Это Лунь Лань и Ху Бэй, сыновья правителя.

Первый, Лунь Лань, выглядел спокойным и собранным. Второй, Ху Бэй, сидел напряжённо, готовый в любой момент вскочить.

– А это Ню Хань, Исполнитель небесных законов.

Маша взглянула на него и хмыкнула.

– Вот уж кто даст тебе фору по суровости.

Гао Хань взял чашку с чаем и сделал глоток. После обеда Императрица поднялась и деликатно попросила небожителей не расходиться.

– Ученица Гао Ханя хотела поговорить с вами.

Маша встала. На мгновение сжала свиток в руках, затем приступила к делу. Её речь была короткой. Она говорила просто, о праздниках, о желании сделать их живыми, о том, что ей важно услышать мнение каждого. Кто-то из небожителей приветливо улыбался и кивал, но нашлись и такие, кто скептически отнесся к нововведению.

Маша начала подходить к небожителям по очереди. Гао Хань наблюдал за этим со своего места.

С Шу Ю, Смотрителем переходов между мирами, она держалась вежливо и почтительно. Он отвечал ей нарочито учтиво и сдержанно. Гао Хань отметил это с холодной ясностью: *соответствует своей истинной форме*. И если бы его, Гао Ханя, здесь не было, тон Шу Ю был бы иным.

Госпожа Гоу Шэнь, Хранительница клятв и договоров, напротив, оживилась.

– Перемены? Прекрасно! – воскликнула она с искренней радостью. – Давно пора.

Чжу Лянь пожала плечами.

– Мне всё равно. Главное, чтобы еды было побольше.

Ху Бэй высказался резко и коротко.

– Праздники меня не интересуют. Я предпочитаю сражаться с демонами.

Ма Юэ лишь фыркнул, не пристало Послу Небес обсуждать такие мелочи.

Гао Хань устало прикрыл глаза, шум вокруг плотной волной навалился на него. Слишком много слов, слишком много людей. Слишком много хаоса, спрятанного под видом порядка. Но он продолжал сидеть. Он взял на себя ответственность, и будет впредь нести её.

Когда всё закончилось, Маша подошла к нему с лёгкой улыбкой.

– Пойдём домой?

Он кивнул. Они ушли вместе, оставив за спиной громкий, похожий на человеческий, небесный обед.

Однако отдохнуть от общества в этот день Гао Ханю так и не удалось.

Вечером, когда Дворец Ясности уже погрузился в привычную тишину, а лампы в коридорах горели ровным мягким светом, у его дверей появились гости. Лунь Лань, Ху Бэй и Ню Хань пришли без лишних церемоний. В руках у Лунь Ланя была доска для го, у Ню Ханя – мешочек с камнями.

– Мы ненадолго, – выпалил Лунь Лань с улыбкой, от которой Гао Ханю сразу стало понятно: ненадолго не получится.

– У меня был тяжелый день, – сухо ответил он.

– Тем более, – отрезал Ху Бэй. – Самое время расслабиться.

Несмотря на редкие и вялые возражения, они остались.

В кабинете разложили доску. Чёрные и белые камни лег-

ли на свои места с привычным сухим звуком. Игра началась размеренно, медитативно погружая в процесс. Но Гао Хань не обманывался, предчувствуя скорые распросы.

Ню Хань первым заметил тонкую шпильку, лежащую на краю стола, не там, где обычно лежали вещи Гао Ханя. Он скользнул по ней взглядом и ничего не сказал.

– Забавно, – протянул Ху Бэй, делая резкий ход. – Ты ведь никогда не брал учеников.

– И был против, – вкрадчиво добавил Лунь Лань, внимательно следя за реакцией друга. – Особенно для себя.

Гао Хань невозмутимо поставил свой камень.

– Обстоятельства, – ответил он коротко.

– Обстоятельства разбрасывают заколки? – усмехнулся Ху Бэй, кивнув в сторону. – Ученицам, знаешь ли, не положено оставлять свои вещи в покоях наставника.

Лунь Лань хмыкнул.

– И чайные пары не там, где ты их обычно ставишь, – добавил он.

Гао Хань молчал. Он не оправдывался, не отрицал, не подтверждал. Его камни ложились точно и обдуманно, как всегда. Стратегия оставалась безупречной.

Ню Хань сделал паузу, разглядывая доску.

– Ты не отошёл от пути бессердечия? – спросил он более холодным тоном, чем обычно.

Гао Хань не поднял глаз.

– Нет.

Игра продолжилась. Камень за камнем, белое и чёрное переплетались, но ни одна из сторон не имела явного преимущества. Как и разговор, ни один из друзей не смог выудить из него больше, чем он позволил. Поздно вечером они ушли, так и не добившись признаний.

Гао Хань остался один. Он собрал камни, убрал доску и на мгновение задержал взгляд на той самой шпильке. И не стал её убирать.

Не успел он погасить лампу, как в коридоре послышались торопливые шаги. В комнату вбежал запыхавшийся слуга и с низким поклоном протянул свиток.

– Из Нефритового дворца, – сообщил он, понизив голос.

Гао Хань взял свиток. На воске отчётливо проступала холодная, прозрачная печать стихии воды. Он развернул его, быстро прочел написанное и кивнул.

– Я понял.

Слуга поспешно удалился. Гао Хань аккуратно свернул свиток, погасил свет и направился в свои покои. Завтра они отправятся выполнять поручение Императора, и лучше хорошо выспаться перед этим.

Глава 5. Не переступая черты

Маша шла следом за Гао Ханем, осторожно ступая по влажной земле. Под ногами чавкала почва, покрытая мхом и прелыми листьями, узкие тропы терялись в зарослях тростника. Воздух здесь был тяжелый, насыщенный запахом тины и стоячей воды.

– Почему мы не могли появиться сразу возле селения? – не выдержала она, перепрыгивая через очередную лужу.

Гао Хань, не сбавляя хода, бросил через плечо:

– Потому что таковы правила небесного порядка.

Этого, как обычно, хватило, чтобы он счёл объяснение исчерпывающим. Дорога через болотистую местность утомляла, и шаг за шагом Маше всё же удалось вытянуть из него подробности предстоящего поручения.

Устроитель перерождений пожаловался Императору на несоответствие жизненных циклов в одном отдаленном селении. Не сходилось количество душ-хунь и душ-по.

Как поняла Маша, у человека есть три души-хунь и семь душ-по. Растворение в небытие всех душ-по считалось естественным исходом смерти. Но с душами-хунь так происходить не должно. Здесь же люди умирали, а часть их душ-хунь не доходила до цикла перерождения. Те, кому всё-таки удалось вернуться, рождались ниже прежней ступени развития. Это нарушало порядок.

Поэтому их и направили сюда. Вернее, Гао Ханя. Она лишь следовала за ним. Хранитель порядка стал куда разговорчивее, когда речь зашла не о сути поручения, а о правилах поведения.

– Ты держишься рядом, – повторял он уже в который раз. – Не вмешиваешься. Не вступаешь в разговоры без необходимости. Не задаёшь вопросы.

– То есть веду себя как твоя тень, – уточнила Маша.

Он недоверчиво покосился на неё.

– Именно.

То, что это не было обещанием с её стороны, Гао Хань уже понял. Великий Будда, и почему его духовное ядро выбрало себе в качестве новой обители именно эту своевольную девушку? Он ускорил шаг, явно рассчитывая закончить всё до того, как она успеет во что-нибудь вмешаться.

Постепенно земля под ногами стала суше. Заросли расступились, и впереди показалась мутная река, бережно несущая свои воды, сдерживая разрушительную силу. Она разлилась шире обычного: у самого берега вода уже подбиралась к корням деревьев.

Недалеко, на приподнятом участке земли, располагалось селение. Дома были низкими, вытянутыми, с покатыми крышами, словно старались прижаться к земле. Потемневшее от времени и сырости дерево хранило следы бесконечных дождей. Узкие улочки тянулись между строениями, утоптаные до плотной грязи.

Маша шла за Гао Ханем, с любопытством оглядываясь по сторонам. Люди в простой, старинной одежде, запах дыма и варёного риса, неторопливые движения. Всё это казалось ей одновременно чужим и тревожно привычным. На мгновение ей почудилось, что она очень давно здесь, и её прежняя жизнь начинает размываться в памяти.

Гао Хань остановился. Его осанка стала проще, походка менее уверенной.

– Мы с сестрой заблудились, – сказал он. – Река разлилась, тропы смыло. Нам нужен ночлег.

Маша уловила момент и шагнула ближе, печально склонив голову.

Люди переглянулись. Кто-то невольно посмотрел в сторону реки. Женщина у стены сжала край рукава.

– Сейчас не время для гостей, – глухо произнёс наконец мужчина постарше. – Вода поднимается.

– Мы ненадолго, – попросил Гао Хань. – До утра.

Последовала неловкая, тянущаяся пауза. Наконец мужчина вздохнул.

– Пойдёмте к старейшине. Он решит.

Его дом стоял выше остальных. Когда они вошли во двор, разговоры внутри стихли сами собой. Никто не улыбался.

Старейшина оказался сухим, жилистым человеком с тяжёлым взглядом. Он выслушал объяснение, не перебивая, и долго молчал, глядя куда-то мимо них, в сторону реки.

– Воды сегодня беспокойны, – произнес он наконец. – Дух

не спокоен.

Река забурилась, подтверждая его слова.

– Мы дадим вам крышу, – добавил он. – Но ненадолго. И если река поднимется ещё... – он не договорил.

Маша заметила, как люди вокруг сжались. Упоминание воды угнетающе подействовало на них.

– Сегодня вечером будет собрание, – продолжил старейшина. – Вы тоже можете прийти. Всё равно скрывать уже нечего.

Их проводили в дом, и предложили скудную пищу и чай. К закату люди снова собрались у старейшины. Разговаривали мало, короткими фразами. Вода поднялась ещё на ладонь. Дух требовал внимания.

– Кто пойдёт сегодня? – спросил старейшина, не повышая голоса.

Наступила тишина, такая плотная, что Маша ощутила давление в груди. Кто-то поднял глаза к небу в ожидании, одна женщина отвернулась. Взгляды прочих быстро и боязливо скользнули по кругу, не задерживаясь.

Наконец один человек шагнул вперёд.

– Я, – выговорил он глухо.

Маша почувствовала, что у неё холодеют пальцы от смутного предчувствия беды.

– Ты уверен? – спросил старейшина.

Тот кивнул.

– Ради селения.

Стало тихо. Только река вдалеке шумела громче, чем прежде. Люди расходились медленно, кто-то сразу направился к реке, кто-то к домам. Несколько женщин остались во дворе, сбившись в плотную группу, шептались, пряча глаза друг от друга.

Вызвавшийся мужчина стоял у своего жилища. Теперь он казался меньше, чем минуту назад. К нему подошла женщина, вероятно, жена. Она коснулась его рукава, потом убрала руку, боясь изменить его решимость. Двое детей держались за её юбку. Мужчина наклонился к ним, что-то шепча.

В груди стало тесно. Маша огляделась и заметила женщину постарше, сидящую на низком крыльце. Та аккуратно складывала в платок какие-то мелочи. Руки у неё дрожали.

Маша подошла ближе.

– Простите, – спросила она. – Что происходит? Куда провозжают этого мужчину?

Женщина подняла глаза, долго и изучающе смотрела на нее, потом устало выдохнула.

– Сегодня его очередь принять судьбу, – объяснила она просто. – Река опять поднялась.

– Очередь? – переспросила Маша, заранее зная, что ответ ей не понравится.

– Мы называем это умиротворением, – продолжила женщина. – Чтобы вода отступила, чтобы наши дома не смыло. Чтобы мы все проснулись утром.

Она рассказывала без истерики, будничным тоном, как о

чем-то давно привычном.

– Он пойдёт к реке, – добавила она после паузы.

Маша сглотнула.

– Для чего?

Женщина чуть заметно качнула головой.

– Река берёт тех, кто ей нужен. И потом она успокаивает-ся.

Она крепче сжала платок.

– Так было всегда.

Маша отошла, не найдя слов. Сердце билось глухо и неровно. Это не похоже ни на наказание, ни на культ. Это добровольная жертва. Страшный, устоявшийся ритуал.

Тем временем Гао Хань подошёл к старейшине. Его голос прозвучал ненавязчиво.

– Я немного разбираюсь в духах воды. Когда-то я учился в одной из сект, готовился к вознесению. Я могу поговорить с вашим хранителем реки.

Старейшина насторожился.

– Ты уверен, путник? Это опасное место.

– Я не стану вмешиваться в обычаи, – ответил Гао Хань.

– Мне нужно увидеть духа. Покажи дорогу.

Старейшина колебался недолго, затем кивнул и показал направление.

Они ушли вдоль берега далеко от домов. Ветер тянул холодом, и река шумела глухо, словно говорила сама с собой.

Гао Хань остановился, поднял руку и начертил в воздухе

знаки формации. Вода вздрогнула, поверхность пошла кругами, и из реки поднялась фигура.

Глядя на духа, Маша застыла. Он был похож на высокого худого мужчину с кожей цвета влажного камня, долго пролежавшего под водой. Его волосы тянулись вниз, напоминая водоросли, подхваченные течением. Мутные, глубокие глаза смотрели без злобы, без ярости. В них плескалось растерянное равнодушие, и чудовищем он не выглядел.

– Хранитель, я ни в чём не виноват, – поспешил оправдаться дух. – Река всегда прибавляется и уходит, не причиняя вреда, я лишь очищаю её воды. Они сами приносили мне жертвы. Я брал то, что давали. Я не знал, что так нельзя.

– Ты нарушил порядок, – холодно ответил Гао Хань. Его голос опять стал тем ровным, небесным. – Впредь тебе запрещено поглощать души хунь и по. За содеянное ты понесёшь наказание. Твоё дело будет передано Небесному карателю.

Дух вздрогнул. Склонённая фигура задрожала, и вода, из которой она состояла, потеряла форму.

– Спасибо, Хранитель, – произнес он смиренно и исчез, растворившись в реке. Вода успокоилась, будто ничего и не было.

На обратном пути Маша безмолвствовала долго, потом не выдержала.

– Они правда добровольно отдавали жизни? – спросила она. – Это нормально для вашего мира?

– Нет, – ответил Гао Хань. – Боги не принимают такие жертвы. Они посылают испытания, но не требуют добровольной смерти.

Маша задумалась, глядя на чёрную воду.

– Все они так боятся реки, – сказала она наконец. – А если она так и будет прибывать, они ведь могут продолжить приносить жертвы.

– Если река не затопила их до сих пор, значит, не затопит и впредь, – ответил он. – Дело не в духе, он лишь хранитель. У него нет власти запугивать и уничтожать.

Маша кивнула, но чувство тревоги не ушло. Раз опасности никогда не было, значит, все жертвы ни на что не влияли. Это пугало больше всего.

В селение они вернулись уже в сумерках. Над домами зажигались редкие огни, запах варёного риса смешивался с влажным дыханием реки. Их появление заметили сразу. Гао Хань больше не скрывался, и даже Маша ощутила его ауру небожителя.

Когда старейшина вышел им навстречу, он уже не смотрел на него как на странного путника. В воздухе ощущалось иное присутствие, сдержанное, тяжёлое, не принадлежащее этому месту. Старейшина побледнел и поспешно поклонился.

– Господин... – начал он и запнулся. – Господин небожитель.

Люди вокруг притихли.

– Дух реки больше вас не потревожит, – произнёс Гао

Хань спокойно. – Порядок восстановлен. Ваши души отныне останутся невредимы.

Маша шагнула вперед, чувствуя, как на неё устремляются взгляды.

– Река не выйдет из берегов, – добавила она. – Опасности нет.

Селение выдохнуло. Кто-то упал на колени, кто-то сложил руки в благодарственном жесте, кто-то всхлипнул, не скрывая облегчения. Старейшина пригласил их к столу, так, как того требовали обычаи. Отказаться стало бы нарушением этикета.

За трапезой беседа шла о традициях, о реке, о том, как давно она стала их страхом. Старейшина был внимательным и сосредоточенным, но в его глазах жила осторожность. Он попросил Гао Ханя благословить их дома, и тот, следуя порядку, согласился. Они остались еще ненадолго.

Всё это время Маша гуляла по селению, останавливаясь, заговаривая с людьми. Гао Хань держался рядом. Он не одёргивал её, не препятствовал, что стало для неё уже удивительным. Его невмешательство походило на редкую, неловкую попытку понять то, о чём она говорила раньше, хотя по его равнодушно-суровому лицу было трудно это определить.

И всё же одно становилось ясно всё отчётливее: страх перед водой пустил корни слишком глубоко. Люди верили, что река отступает не сама по себе, а приняв очередную жертву, и разубедить их в этом непросто.

К полночи в честь небожителя устроили пир. Люди благодарили, смеялись, впервые за долгое время позволяли себе веселиться. Вдруг один из слуг старейшины подбежал к нему и быстро зашептал на ухо. Радость мгновенно сменилась страхом. Старейшина побледнел.

Река поднималась, вода у берега стала темнее, тяжелее. Поток усилился, напомнив о себе.

– Господин небожитель... – старейшина колебался, подбирая слова. – Мы не смеем бояться, когда вы рядом, но, может быть, нам всё же стоит принести реке небольшие дары?

Гао Хань посмотрел на воду.

– Нет, – вымолвил он. – Не нужно больше ничего дарить этой реке. Она не перейдёт границу.

Старейшина облегчённо поклонился.

– Благодарим вас! – громко объявил он. – Слушайте все: сегодня мы не склонимся перед рекой и не отдадим ей ничего и никого!

Люди снова искренне возрадовались. Теперь они были уверены: они под защитой.

Когда всё закончилось, Маша и Гао Хань ушли прочь от селения. Долгое время они шли молча. Когда огни домов остались далеко позади, Маша всё же произнесла то, что тревожило её с самого вечера:

– Они ведь могут продолжить. Сегодня ты дал им уверенность, но страх не исчез навсегда. Они верят, что только жертва может их спасти. Хоть всех духов реки изведи – они

создадут новых.

Гао Хань медлил с ответом.

– Моя задача выполнена, – сказал он наконец. – Они сохранят свои души и смогут переродиться. Остальное – их выбор.

Маша сжала губы.

– Это ведь бесполезная жертва, – тихо заметила она. – С ней или без неё река дойдёт до своего предела и отступит, вот только человека уже не вернешь.

Гао Хань пошел быстрее. Он знал, как всё устроено. Знал, что земная жизнь хрупка и коротка, что судьбы смертных вплетены в узор, где каждое исчезновение имеет своё место. И пока порядок не нарушен, всё допустимо.

Но сомнение оставалось. *Можно ли назвать благородной жертву, которая ничего не меняет?*

Он опять ускорил шаг, надеясь оставить этот вопрос позади. Хоть бы она больше ничего не говорила. Но Маша всё же задала еще один вопрос после долгих минут тишины:

– А ты смог бы принять такую жертву?

– Да, – ответил он. – А что ещё мне остаётся?

Когда селение осталось далеко позади, Гао Хань взял Машу за руку, и мир, вместе с вопросами без правильных ответов, растворился вокруг них, открывая врата Небесного царства.

Глава 6. В тишине небесного архива

Маша сидела за низким столиком в саду возле Дворца Ясности, подперев голову рукой. Гао Хань не шутил, когда сказал, что поручит слугам обустроить ей там рабочее место. Он, вероятно, вообще не умел шутить. Уже на следующий день после того, как Император дал разрешение на устройство первого праздника, Гао Хань проводил Машу в сад к ее личной крытой беседке, где она могла бы спокойно работать.

Да ты о своем спокойствии беспокоишься, подумала она, но вслух поблагодарила. Всё было обустроено до мелочей, что приятно её удивило. Всё-таки в любви к порядку есть и свои плюсы. Чего только не было в беседке: несколько столов разного размера, ящики для хранения, перья и чернила (к ним Маша уже привыкла за проведенный в Небесном царстве месяц), свитки для письма, свитки с правилами Небесного царства, иерархией и этикетом небожителей, и еще множество полезных мелочей.

Снаружи, возле беседки, тоже стоял столик, и Маше понравилось работать именно там. Да и особого смысла в крытой беседке нет: в Небесном царстве солнце не палило, воздух всегда оставался свежим, а температура неизменно ком-

фортной. За всё время, проведенное здесь, она не видела на небе ни единой тучки. Возможно, небожители живут бесконечно долго именно потому, что вокруг них всё постоянно безмятежно и стабильно. Идеальный застой в идеальном мире.

Немудрено, что многих одолевала скука, и они стремились попасть на землю к людям, или взять на себя какие-нибудь обязанности. Маша немало беседовала с Шэ Инем, старцем-архиватором, Хранителем судеб и прошлых циклов, и узнала от него, что все небожители время от времени проходят небесные испытания или отправляются на землю, перерождаясь в смертных, чтобы повысить уровень совершенствования и заодно развеяться, разбавив однообразие небесной жизни.

К сожалению, попасть в сам архив старца Маше пока не удалось. Поскольку ей и Гао Ханю нельзя отдаляться друг от друга далеко, он показал ей удаленный способ связи с небожителями. Сами они пользовались им редко, и Маша прекрасно понимала почему.

В Небесном царстве существовал некий аналог телефона, если так подумать. Правда, по размерам он скорее напоминал планшет: зеркало, работающее на входящие и исходящие «видеозвонки». Удобно, но в огромный, живой архив записанных судеб и небесных испытаний попасть всё же очень хотелось. Когда она разберется с праздником, обязательно придумает способ туда добраться.

Маша обвела сад рассеянным взглядом. Он огромен, красив, полон зелени и деревьев, но ни одного цветка там не росло. Глазу не за что зацепиться. Вглядываясь в разные оттенки зеленого, Маша с грустью подумала, что маме такой сад бы не понравился: вокруг их домика всегда было полно клумб с яркими розами, астрами, георгинами, пионами, и прочими цветами.

Зеркало негромко зазвенело, и в нем появилось лицо Сюань Цзинь. Императрица негласно взяла над Машей шефство и вносила необходимые корректировки и правки в сценарий празднования и подготовку. Совсем как в прошлой жизни, где заказчик всегда найдет, к чему придраться. Маша быстро выпрямилась и села напротив зеркала: негоже заставлять Императрицу ждать.

За увлекательной работой незаметно проходили дни. Память удивительно легко позволила забыть прошлое поручение, словно оно осталось далеко позади. Или это Небесное царство так влияло на человеческое сознание? А может, духовное ядро небожителя постепенно вытесняло воспоминания о прошлом, убаюкивая и сглаживая острые углы? Задумываться об этом пока некогда.

Гао Хань сидел за своим столом, занимаясь привычной рутинной работой Хранителя порядка. Он просматривал отчеты ответственных духов о происходящем на вверенных ему человеческих территориях и отвечал по мере необходимости. Магические свитки копились с удвоенной скоростью.

То ли вокруг действительно стало больше хаоса, то ли его собственная работоспособность снизилась после потери духовного ядра.

Гао Хань сжал и резко разжал ладонь. В воздухе возник магический шар света. Такой же яркий и плотный, как прежде, беспокоиться не о чем. Он на мгновение прикрыл глаза рукой, отгоняя навязчивую мысль. Кажется, в одиночку ему больше не справиться.

Ту Син был всего лишь лекарем, неудивительно, что он не смог помочь, ведь потеря духовного ядра не болезнь. Если у кого и могли быть ответы, то у Шэ Иня.

Гао Хань уже поднялся, намереваясь отправиться к старцу, но тяжело вздохнул и снова сел. Придется взять Машу с собой. Он всё еще порой забывал о том, что теперь они связаны, и осознавал это только по тревожному звяканью браслета. В такие моменты где-то во дворце или саду у Маши темнело в глазах, подкашивались ноги, и она судорожно пыталась понять, в каком направлении нужно идти, чтобы сократить расстояние между ними. И всегда угадывала.

Что ж, вряд ли она откажется от заманчивой прогулки во Дворец Тысячи Судеб. Судя по всё растущему количеству свитков в ее беседке, его собственный дом вскоре тоже можно будет записывать в архивы. Гао Хань раздраженно хмыкнул и вышел в сад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.